
ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ КАК МЕТОД НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ (ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РОССИЯ АНТИПОДОМ «ЗАПАДНОЙ» ЦИВИЛИЗАЦИИ?) ЧАСТЬ 1

В.В. Еремян, А.А. Клишас

Кафедра конституционного права и конституционного судопроизводства
Юридический институт Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу тенденций, все более отчетливо проявляющихся в исследованиях зарубежных (прежде всего европейских и североамериканских) ученых, некритические оценки которых лишь усугубляют системный кризис, охвативший многие сферы общественных отношений, значительно усугубляющий фундаментальные противоречия между Западом и Востоком. Используя методы историзма и компаративизма, констатируется перманентное углубление стагнации «западной» модели демократии (как с социально-экономической, так и политической точки зрения), в течение нескольких веков являвшейся «локомотивом» христианской цивилизации, место которой заняли идеологические, этические, профессиональные суррогаты мультикультурализма и толерантности. По мнению авторов, парадокс состоит в том, что кризис, охвативший важнейшие сферы публичных и частноправовых отношений, обусловлен рядом факторов, вытекающих из процесса либерализации тех областей человеческой деятельности, табуированный характер которых еще несколько десятилетий назад не вызывал никаких возражений. Глобализация — как системообразующий процесс — способствовала актуализации такого явления, как «правовой империализм» (составным элементом которого следует рассматривать «правовой колониализм»), ответом на который стала масштабная радикализация террористических организаций, религиозного фанатизма и националистического экстремизма. К сожалению, ни англосаксонская, ни континентальная системы права (не говоря уже о международном праве), несмотря на отдельные положительные тенденции, не сумели адекватным образом ответить на требования дня, тем самым лишь усилив негативную составляющую «западной» цивилизационной парадигмы. Помимо Северной Африки наиболее отчетливо это проявилось на Украине, ученые которой, игнорируя теорию и практику исторического процесса, активно переписывают и редактируют историографию «самостийной государственности», стремясь тем самым оправдать «востребованность» февральского государственного переворота, что пользуется поддержкой со стороны зарубежных исследователей, все чаще актуализирующих механизмы подобного рода для оправдания русофобских концепций и антироссийских доктрин. Не желая отказываться от практики двойных стандартов, представители западной научной мысли продолжают оказывать мощное идеологическое давление на тех, кто традиционно ассоциируется с так называемым электоратом, в своей основной массе поверхностно знакомым с историей даже собственных стран. Пропаганда подменяет собой науку, ставя во главу угла широкий набор мифологем, презумпций и голословных констатаций, которые уже никто не подвергает сомнению. Цель статьи — используя методологию сравнительно-правового анализа, показать ложность научных и мировоззренческих стереотипов, сложившихся как в зарубежном, так и отечественном государствоведении.

Ключевые слова: Российская Федерация, «западная» цивилизация, двойные стандарты, гражданское общество, российская самобытность, компаративизм.

В 2014 г. как-то «незаметно», подчеркнута скромно, «по-домашнему» (1), без пафоса и официозных мероприятий «либеральной общественности» (прежде всего со стороны тех, кто поставил знак равенства между Сочинской олимпиадой и летними играми, прошедшими в 1936 г. в столице национал-социалистической Германии), страна отметила юбилей земской реформы императора Александра II (Освободителя) — одного из наиболее масштабных, фундаментальных событий в истории отечественного государства и права. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но за три года до этого с не меньшим «безразличием» и «обыденностью» широкими кругами «строителей светлого капиталистического будущего» не была актуализирована дата, связанная с отменой института крепостной зависимости.

Воспринимать и оценивать «реакцию» подобного рода можно по-разному — подвергать сомнению, игнорировать, критиковать, высмеивать, но в любом случае ее нельзя оставлять без должного, адекватного внимания, так как речь идет о том, что традиционно принято ассоциировать с исторической памятью (2) (как народа в целом, так и его многочисленных составляющих). Не исключено, что где-то здесь лежат корни тех проблем, которые — прямо или опосредованно — обусловлены спецификой становления гражданского общества и формирования современной, отвечающей требованиям дня, модели управления и самоорганизации населения.

У кого-то может возникнуть впечатление, что авторы статьи в качестве иллюстрации выбрали не самый «злободневный» вопрос (жили мы ведь как-то без санкционированного сверху самоуправления), особенно учитывая те проблемы, с которыми государство и общество столкнулись в последнее время, не говоря о том, что еще гипотетически предстоит в ближайшей перспективе.

Не будем спорить — есть и более существенные, неабстрактные проблемы, тем либо иным образом обусловленные переходом от одной общественно-экономической модели к другой, однако события на постсоветском пространстве свидетельствуют о том, к чему в итоге приводит избирательное отношение к прошлому, каких бы болевых точек не касаться. Главное не в том, «что» является объектом или предметом исследования, особенно в условиях жесткой идеологической и мировоззренческой конфронтации, в масштабе которой истории придается значение, выходящее за традиционные рамки академической дискуссии, а «кто» конкретно устанавливает правила игры и фиксирует конечные результаты. Оказывается, можно без каких-либо оснований сделать вывод о том, что «варяг из-за моря» Рюрик и два его брата — «этнические» скандинавы, чтобы несколько столетий одни ученые искали этому подтверждение, другие — опровержение, до сих пор так и не достигнув компромисса.

В контексте высказанных замечаний с новой силой встает вопрос о месте городского (корпоративного) и сельского (общинного) самоуправления в системе социальных, хозяйственно-экономических и властных взаимодействий и той роли, в процессе государственного строительства, которую — на соответствующей стадии исторического развития — играли децентрализованные, в том числе муниципальные, публичные учреждения.

История показывает, в каких неожиданных «ракурсах» может иногда проявляться практика самоорганизации населения (от вечевой демократии до формирования второго земского ополчения и изгнания польских интервентов). Поэтому «неотмеченный» юбилей муниципальной реформы является лишь поводом для более серьезного разговора о тех тенденциях, объективный или субъективный характер которых достаточно очевиден, особенно если речь идет об истории государства и права и компаративистике.

«Благодаря» маркизу Астольфу де Кюстину, который, идентифицируя одно из крупнейших государств середины XIX в., безапелляционно ввел в научную и публицистическую лексику термин «тюрьма народов» (с успехом используемый до сих пор) (3), в сравнительном правоведении сложились устойчивые стереотипы и клише-шаблоны, посредством которых отдельные рецидивы не всегда оправданно возводятся в гипертрофированный абсолютизм, тем самым подчеркивая, что «запад» и «восток» европейского континента, какой бы из периодов не был взят в качестве наглядной иллюстрации, *de facto* несопоставимы ни с исторической, ни тем более с цивилизационной точки зрения. Каких только «страшилок» для детей младшего и подросткового возраста не встретишь в книжных магазинах и на пыльных полках университетских библиотек, рисующих «славянских варваров» неисторическим (по «авторитетному» мнению непререкаемой иконы-идола марксистов всех мастей и большевиков Гегеля) народом-этносом. Вплоть до того, что государство и право не являются результатом поступательно-эволюционного развития, а носят в основном привнесённый (4) (октроированный?!) германоязычными скандинавами-норманнами «из-за моря» характер. При этом игнорируются (целенаправленно или случайно — существенного значения не имеет) публичные институты и социальные практики, уникальность которых — в сравнении с чем-то аналогичным или сопоставимым — не должна вызывать никаких принципиальных возражений.

Не углубляясь в «страноведческие» метаморфозы (какой смысл напоминать об эксцессах, имевших место в колониях и «заморских» территориях Франции в монархический и республиканский период), тем не менее хотелось бы обратить внимание на перманентное использование методологии «двойных стандартов», в контексте которой «желаемое» — в частности, специфика решения национального вопроса — нередко выдавалось за действительность. Прошло немало лет с момента публикации данного произведения, однако каких-либо кардинальных изменений, к сожалению, не произошло (о чем ярко свидетельствует политическая фразеология североамериканской элиты типа «империи зла») (5).

Совершенно не исключено, что доморощенные апологеты так называемых «западных ценностей» (6) (поверхностно, фрагментарно или избирательно знакомые с историей собственной страны), несмотря ни на что в штыки воспринимающие критику в адрес своего «божества», в очередной раз «поднимут шум», полностью игнорируя здравый смысл, логику и какие-либо аргументы оппонентов. Более того, в рамках публичной дискуссии абсурд все чаще возводится в абсолютизм, в то время как историзм и компаративизм (сравнительно-правовой анализ) используются (7) преимущественно в качестве факультативных методов

исследования. Причем на уровне «либеральной общественности» ортодоксальность точек зрения отдельных интерпретаторов, непрофессионализм которых по-прежнему обескураживает, но уже не удивляет, *de facto* начинает приобретать своего рода устойчивый алгоритм («тренд», как стало модным говорить в последнее время).

В этой связи вполне корректно процитировать известного представителя европейской научной мысли: «Будучи убежден, что все книги, завещанные нам прошлым, созданы людьми, ученый, не колеблясь, признает тексты неверными, если они друг другу противоречат, или утверждают абсурдные вещи, или категорически опровергаются более авторитетным свидетельством. Напротив, — констатирует французский историограф XIX в. Ж.Э. Ренан, — ортодокс, наперед уверенный в том, что в священных книгах не может быть ни ошибок, ни противоречий, решает, чтобы выйти из затруднения, на самые сильные, самые отчаянные средства. Таким образом, ортодоксальное толкование представляет собой сплошные ухищрения; в отдельных случаях можно допустить такой прием, но тысячи уловок не могут быть все правдивы... Таким образом, именно ортодокс принимает на веру положение, требующее доказательств, когда упрекает рационалиста в том, что последний искажает историю, если рассказывает ее не слово в слово по документам, которые ортодокс считает священными. Но из того, что факт записан в книге, нельзя заключить, что он верен...» (8).

Оставляя за скобками тенденции, вытекающие из несостоятельности (и даже абсурдности) пресловутой концепции мультикультурализма, предельно отчетливо и рельефно проявившие себя в последние годы и месяцы (пусть этим предметно занимаются психотерапевты и социологи), целесообразно, используя методологию компаративизма, рассмотреть на примере легитимации отдельными государствами известных инициатив (демократичность которых под вопросом), что объединяет и одновременно дифференцирует «запад» и «восток» европейского континента. В чем вина научного сообщества, не обратившего должного внимания на механизмы, приведшие в движение процессы, поставившие все с ног на голову?

Как это ни парадоксально на неискушенный взгляд, роль тех, кто в тесной монастырской келье либо домашнем кабинете скрупулезно фиксирует, преследуя или не преследуя конкретные цели, перипетии исторического процесса, возрастает в переломные, переходные периоды государственного строительства. Об этом с большей либо меньшей степенью наглядности свидетельствует и практика, отдаленная от нас веками и тысячелетиями, и тенденции последних лет. Однако главное не в том, как скомпилировать, в мельчайших деталях, эпизодически или поверхностно описать конкретное историческое событие, а как его с течением времени интерпретировать (с учетом, без учета требований дня), несмотря на реальную фабулу и подлинный масштаб последствий. Судя по всему, с проблемами подобного рода в свое время столкнулся (объективно не мог не столкнуться!?) и начальный летописец, текст которого, уже давно ставший хрестоматийным и каноническим, подвергается теперь «вольному», предельно некорректному, вульгарному толкованию со стороны новоявленных «Несторов».

Именно благодаря всевозможным глоссаторам и постглоссаторам, уровень профессиональной подготовки и психическое состояние которых, как минимум, вызывают сомнение, у школьника и студента, наконец, появилась возможность с гордостью сказать: моими легендарными предками были не какие-то московско-монгольские «ватники» и «колорады», а предтечи всей мировой цивилизации — «великие укры». К таким теоретическим и историографическим «перлам» можно относиться по-разному, в частности высмеивать, игнорировать, но факт остается фактом: достаточно открыть любой учебник по истории Украины, чтобы убедиться в наличии столь «фундаментальной новеллы», переворачивающей с ног на голову традиционные представления о генезисе человечества.

Кто виноват? и что делать? (первое, что приходит на ум), однако ответ не так прост и однозначен, как кажется. Гипотетически совершенно не исключено, что для обоснования тысячелетней истории «самостийной государственности» в ближайшей перспективе мы станем свидетелями кардинального редактирования «Повести временных лет» и других важнейших сюжетов, отраженных на страницах летописного наследия, тем более что сопоставимой методологией пользовались и европейские демократии, частью которых с недавних пор воспринимает себя «незалежная Украина» (9).

Достаточно взять текст любого из дошедших до нас списков «Повести временных лет», и концепция о «великих украх» рассыпается как карточный домик. Приведем в качестве примера небольшой фрагмент из Лаврентьевской летописи, известный любому первокурснику, в переводе на современный русский язык: «... Много времени спустя, расселились славяне по Дунаю, где ныне земля Венгерская и Болгарская. И от этих славян разошлись славяне по земле и прозвались своими именами, где кто на каком месте поселился... Так же и эти славяне пришли и поселились по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, поскольку селились в лесах, а еще другие поселились между Припятью и Двиной и назвались дреговичами, иные расселились по Двине и прозвались полочанами по речке, которая впадает в Двину и называется Полотой. Те же славяне, которые поселились около озера Ильменя, прозвались своим именем — словенами (славянами), и построили город, и назвали его Новгородом. А другие расселились по Десне, и по Сейму, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, и грамота его прозвалась “славянской”...» [2].

Складывается впечатление, что бывшие преподаватели основ марксизма-ленинизма, краткой истории ВКП(б) и научного коммунизма, ставшие в одночасье яркими поборниками идей правового государства, прав человека и демократии, полностью игнорируют мнение даже собственных «отцов-основателей». В том числе известного дореволюционного ученого, первого президента страны М.С. Грушевского, писавшего в 1913 г. следующее: «...за Днепром, на левом берегу по Десне, Сейму и Суле, в теперешних Черниговской и Полтавской губерниях, жило большое племя севера, или северяне (более значительные города: Чернигов, Новгород-Северский, Любеч и Переяславль). На правой стороне Днепра, около Киева, обитали поляне, называвшиеся иначе русью. За полянами, далее на восток, в дремучих лесах по Тетереву, Уши, Горине

жили древляне, то есть лесные люди, а за Припятью дреговичи, «болотные» («дрегва» значит болото). На Волыни, за Случью, жили дулебы; ближе к Черноморскому побережью, около Днепра, жили уличи, а далее на запад, над Днестром — тиверцы. Какие племена жили над Доном и на Азовском побережье, и как называлось население Подкарпатья, в Галиции, летописцы умалчивают...» [1].

Допустим, новоявленным «летописцам», в конце концов, удастся убедить местное население и чиновников от науки в том, что все — более или менее значимые события всемирной истории — должны рассматриваться исключительно в контексте той концепции, которую с настойчивостью, заслуживающей лучшего применения, предлагают считать вторым изданием «единственно верного учения». Но что в таком случае делать с материальными артефактами и информацией, содержащейся в работах Страбона, Деметрия Скепсийского, Геродота, Фукидида, Павсания, Иосифа Флавия, Помпония Мелы, Плиния (старшего и младшего), Полибия, Феофилакта Симокатты, Прокопия Кесарийского, Корнелия Тацита, Ибн-Даста, Гардизи? Неужели в ближайшей перспективе нам будет предложено переписать всю историографию, начиная с «Ветхого Завета»?

Не углубляясь в детали, отметим, что на стадии перехода от родоплеменных отношений к государственным, в рамках которого публично-властные институты все более отдалялись от широких слоев населения («земли»), объективно не могли не затрагиваться интересы всех, в той либо иной мере стратифицированных социальных групп восточнославянского общества раннего Средневековья. В итоге сначала в вербальной (былинной, сказочно-мифической, сакрально-ведической), а затем и письменной (летописной, апокрифической) форме стали появляться многочисленные версии происхождения соответствующего народа, в том числе и русского. Вполне естественно, что тот, кого принято ассоциировать с «начальным летописцем», старался придерживаться какой-то одной — «базовой» — концепции, с которой предки трех современных народов (русского, украинского и белорусского) традиционно связывали формирование их как единого этноса. Тем не менее, в силу целого ряда обстоятельств средневековые памятники (речь идет о северорусских и южнорусских летописных сводах), доступные в настоящее время историкам государства и права, содержат несколько нередко противоречивых или вообще прямо противоположных подходов ко многим проблемам становления и развития древнерусского государства.

Причин их появления, надо полагать, более чем достаточно, к которым в том числе следует отнести не только временной разброс (определяемый не годами, а десятилетиями и даже веками) составления северорусских и южнорусских начальных сводов, но и известный «социально-политический заказ», исходивший от различных общественных групп Киевской (10), Словенно-Новгородской (11), Полоцкой или, например, Ростово-Суздальской земли.

Не будет большим преувеличением констатация того факта, что историк-государствовед (одним из первых в их ряду стоит средневековый летописец) является представителем весьма политизированной науки.

Достаточно посмотреть на то, как «писалась» и «переписывалась» история XX в., не говоря уже о современных тенденциях в ряде стран бывшего СССР, чтобы понять, что собой представляет «социально-политический заказ» в постсоветской (прибалтийской, украинской) и западноевропейской интерпретации. Так, летний пионерский лагерь с точки зрения некоторых «авторов» рассматривается как концентрационный (при этом в качестве альтернативы актуализируется «оздоровительное учреждение», в течение нескольких лет действовавшее в Саласпилсе), а весь семидесятилетний период существования Советского Союза иначе, как «тюрьмой народов», и не характеризуется.

Примерно с аналогичной проблемой был вынужден столкнуться и официальный летописец, соприкоснувшись при подготовке текста с вариативным прошлым Древней Руси (отраженным в соответствующем начальном своде), решая для себя чрезвычайно непростой, во многом принципиальный вопрос: что вносить в составляемую им летопись-компиляцию непосредственно, а что комментировать с учетом вновь открывшихся обстоятельств; с чем согласиться, солидаризируясь со своим коллегой-предшественником, а от чего в целом отказаться или кардинально отредактировать; к чему отнестись с безразличием (амбивалентно) и на чем особо акцентировать внимание. В итоге тенденциозность, масса повторов и оговорок, подобострастное отношение к одним историческим событиям, социальным и публичным институтам и персоналиям (прежде всего князьям и монархической ветви власти) и принижение других, в том числе демократических (вечевых) и самоуправленческих. С учетом последнего обстоятельства и следует рассматривать специфику периода становления и развития древнерусской государственности.

Провокативность процессов, инициированных в среде той части социума, с которой преимущественно принято ассоциировать представителей общественных наук, в большей или меньшей степени обусловлена рядом факторов, в частности стремлением к самоидентификации стран «молодой демократии», испытывающих мировоззренческий стресс, вызванный отказом от общего — имперского, советского — прошлого, и стремящихся всеми доступными способами заполнить возникший вакуум. Не найдя, видимо, ничего лучшего, приоритет был отдан идеологическим и политико-правовым суррогатам, в обоснование которых легли представления, *de facto* никакого (даже субсидиарного) отношения не имеющие к науке. Как же это созвучно с тем, о чем в свое время писали западные (12) «гуманисты» всех мастей (начиная с Г. Байера, Г. Миллера, А. Шлецера (13), Л. Ранке, Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, автора небезызвестного сочинения «Россия в 1839 году» и заканчивая их менее знаковыми апологетами), отказывавшие славянам в историзме (14).

Все те, кто, не покладая рук, творит «новую» историю своих государств, ни при каких условиях не должны забывать следующего (опыт первой половины XX в. наглядная тому иллюстрация): доктрины, сложившиеся в тиши кабинетов, на практике нередко трансформируются до неузнаваемости, приобретая характер шовинистического, мракобесного явления, метастазы которого проникают во все социальные институты. Причем ситуация лишь усугубляется в том

случае, если доминантами общественных отношений становятся апатия, игнорирование уроков прошлого и правовой нигилизм.

Справедливости ради надо особо подчеркнуть, что в рамках европейской (15) историографии к середине XIX в. сформировалась «славянская» научная школа, представители которой, опираясь на мощный фундамент предшествующих поколений, критически исследовав обширный материал, сумели достаточно успешно противодействовать апологетам «германской» концепции этногенеза, в течение нескольких столетий доминировавшей на континенте. Тем не менее, стереотипы так прочно вошли в сознание большинства медиевистов, историков государства и права и простых обывателей, что полностью преодолеть их не удалось, о чем свидетельствует современная историография.

Например, крупнейший чешский историограф П.И. Шафарик в 1837 г. отмечал по этому поводу в «Славянских древностях...»: «В новейшее время свои и иностранные ученые столько разыскивали и писали о происхождении и старине славян, народа самого древнего, великого, в истории Европы знаменитого, что, обращая внимание на одно только число и объем сочинений, выданных по этой части деписания нашего, равно как известность и достоинство сочинителей, всякое новое исследование в том может показаться нам по меньшей мере лишним, чтобы не сказать дерзким. Но, всматриваясь пристальнее в эти столь огромные и многочисленные сочинения и беспристрастно оценивая содержание и важность их, нужно признаться, что вообще все они далеко не отвечают значимости предмета и требованиям нашего века, а по неосновательности и мелкости своей либо вовсе ни к чему не годятся, либо же мало и только мимоходом уясняют предмет свой. На них, по самой большой мере, можно смотреть как на некоторого рода пособия и приготовления к более полному и основательному сочинению о древностях славянских, которого нам по сию пору недостает. Незнание славянских наречий и тех изменений, которым они подвергались в прошедшем, незнание свойств, нравов, обычаев, семейной жизни и внутренней истории народа и, наконец, скажем откровенно, какая-то застарелая неприязнь и нерасположение к славянам, невольно приводящие к пристрастию, были причиной того, что ни один из иностранцев, писавших о нашей старине, может быть, в чем другом очень умных, доселе не издал ничего в свет основательного по этой части истории...».

Нельзя не поддержать и обобщения, актуальность которого на фоне украинских событий лишь усиливается: «Что касается до соплеменников, которые историографией — этим поздним плодом человеческого знания — стали разборчиво и критически заниматься только в недавнее время, то одни по недостатку в многосторонней учености, особенно в основательном знании древних и новейших языков и здравой критики, а другие — несмотря на все исторические и языковые пособия, по неуважению к предмету и, вероятно, сомнению в успехе, до сих пор не сделали ничего особенного исследованиями своими на обширном поле древностей наших...» [3].

Чтобы не выглядеть в глазах читающей аудитории голословными, говоря, в частности, о «мощном фундаменте предшествующих поколений», процитируем

небольшой фрагмент из работы «далматинского Фукидида» начала XVII в., бенедиктинского монаха Мавро Орбини (Mauro Orbini) «Историография почтения имени, славы, и расширения народа славянского» (*Origine de gli Slavi & progredito dell'Imperio loro*), использовавшего в том числе труды авторов, запрещенных Римским престолом: «Не имея ничего более сказать о пруссах (16), перейдем теперь к славянам Руси, которых ныне все именуют московитами. В те времена, когда остальные славяне ушли из Сарматии и отправились одни в сторону Германского моря, другие, пойдя по другому пути, на Дунай, они остались в месте своего исконного жительства, и назывались древними историками по-разному. Элий Спартиан и Капитолин в жизнеописании Антонина Пия и Флавий Описк в жизнеописании Аврелиана называют их роксоланами, Плиний... — токсоланами (*Tossolani*), Птолемей — троксоланами (*Trossolani*), Страбон... — раксанами (*Rhassani*) и роксанами (*Rhossani*). Рафаэль из Вольтерры и многие другие авторы называют их рутенами, ныне же общепринятым их названием является “русские” (*Russi*), то есть “рассеянные”, поскольку по-русски, или по-славянски, “Россея” (*Rosseia*) означает не что иное, как “рассеяние”. И не без причины они были названы русскими, или рассеянными: славяне, заняв всю Европейскую и часть Азиатской Сарматии, распространили, или рассеяли, свои колонии от Ледовитого океана до Средиземного моря и Адриатического залива, от Большого моря до Балтийского океана. Более того, как пишет Яков Мейер..., славяноруссы (*Russi Slavi*) высыпали свои колонии даже во Фландрии, где в настоящее время их зовут рутенами. Греки (по свидетельству Прокопия Кесарийского) называли их спорами..., “рассеянным народом”...» (17).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Безусловно, многочисленные оппоненты нам могут возразить: страна готовилась к более важным событиям, чем годовщина какой-то реформы 150-летней давности (в частности, к юбилею начала мировой войны), тем более учитывая — вполне очевидный — факт, что о каком-либо самоуправлении, применительно к современной Российской Федерации, корректно говорить с достаточно большой степенью условности и исторического оптимизма. Не будем спорить, приводя авторские аргументы, однако тенденция определенным образом сохраняется, так как никаких «мероприятий», связанных с 90-летием первой русской революции, в календаре памятных дат, к сожалению, не предвиделось. Парадокс состоит в том, что институты самоорганизации городского и сельского населения, в большей или меньшей степени реформированные во второй половине XIX в., продуктивно действовали не менее пятидесяти лет, а в постсоветском государстве, несмотря на перманентный характер преобразований в указанной сфере общественных отношений, о реальном самоуправлении все еще можно только мечтать.
- (2) Украина наглядно и весьма иллюстративно показывает, к каким «результатам» это может в итоге привести. «Знаковым» представляется и освещение на «западе» итогов Второй мировой войны.
- (3) Подробнее см.: Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. / пер. с фр. под ред. В. Мильчиной. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. С учетом авторских предпочтений нельзя не согласиться с другим представителем французской медиевистики XIX в.: «Для критики не существует непогрешимых текстов; первое ее правило — допускать воз-

можность погрешности в том тексте, — подчеркивает ученый-востоковед, — который она рассматривает... По всем правилам критики предполагается, что изучаемый документ имеет лишь относительное значение, что всякий документ может заключать в себе ошибку, что ее можно исправить, основываясь на другом документе лучшего достоинства...». — Цит. по: Ренан Э. Жизнь Иисуса / пер. с фр. Е. Святловского. — М.: Изд-во «Терра», 1997. — С. 7, 8.

- (4) Как ни прискорбно, но духовный кризис как ржавчина разъедает не только этическое-нравственный фундамент традиционной европейской семьи и брачных отношений, он все активнее и масштабнее вторгается в интеллектуальную сферу, оказывая крайне негативное воздействие на мировоззрение. Возможно, что в ближайшей перспективе (по примеру киевских историографов, буквально на голом месте создавших нетленный образ предтечи всех современных народов — «великих укров») о битве «людей запада» и орков у Хельмовой пади из «Властелина колец» будут говорить как об одном из величайших событий в истории человечества, англосаксов — в первую очередь. Причем мотивируя тем обстоятельством (как и в случае с мифическим колдуном-магом Мерлином, королем Артуром, пресловутыми «рыцарями круглого стола» и многими другими персонажами подобного рода), что об этом написана толстая книга и снят эпический голливудский шедевр.
- (5) Ситуация, к большому сожалению одних и нескрываемой радости других, только усугубляется, о чем свидетельствуют примеры того, как на «западе» интерпретируются события на Украине, тем или иным образом связанные с февральским государственным переворотом. Еще древние римляне, скептически характеризуя «аналогичные» тенденции, говорили по этому поводу: «Tantum possumus, quantum scimus!» (буквально — «столько можем, сколько знаем»).
- (6) Отвечая на вопрос журналиста, действующий государственный секретарь Соединенных Штатов Джон Керри (выпускник одного из наиболее престижных вузов мира) высказал следующую мысль: «... В Америке у вас есть право быть глупым, если вы хотите им быть. Это — свобода!».
- (7) Кто-то из «чиновников от образования» посчитал целесообразным — в контексте так называемого Болонского процесса — лишить «Конституционное (государственное) право зарубежных стран» статуса академического курса, переведя его в разряд учебных дисциплин, изучаемых по выбору студентов. Не надо быть провидцем (особенно тем преподавателям, которые учились в советских вузах), чтобы понять, к каким результатам со временем приведет данное решение.
- (8) Цит. по: Ренан Э. Жизнь Иисуса... — С. 8, 9. Не менее убедителен идеолог «народной монархии» И.Л. Солоневич, жесткий вывод которого, сформулированный еще в середине прошлого века, по-прежнему актуален: «Мы, обманутое поколение, росли в том убеждении, что у нас на Руси плохо все. Нам, обманутому поколению, учителя в гимназиях, профессора в университетах, публицисты в газетах и всякие другие “сеятели” во всяких других местах тыкали в нос по преимуществу Англию; к концу XIX в. обезьянья мода несколько переменилась: уже не французской, а английской короне стала принадлежать русская интеллигентская душа. И русской интеллигентской душе тыкали в нос английский Habeas corpus act, совершенно забывая упомянуть о том, что в варварской Руси “хабеас корпус акт” был введен на сто двадцать лет раньше английского...». Как справедливо отмечает исследователь, по Судебнику Ивана IV (Грозного) 1550 г. «...администрация не имела права арестовать человека, не предъявив его представителям местного самоуправления — старосте и целовальнику, иначе последние по требованию родственников могли освободить арестованного и взыскать с представителя администрации соответствующую пеню “за бесчестье”. Но гарантии личной и имущественной безопасности не ограничивались хабеас корпус актом... Судебник 1550 г. не был особым нововведением: он только оформил писаное и неписаное право,

- которым и до него жила Московская Русь. Это было право самого широкого местного самоуправления...». — См.: Солоневич И.Л. Народная монархия. — М., 2005. — С. 310, 311.
- (9) С учетом обозначенной проблемы нельзя не признать, что само по себе исследование этнической истории древних славян сталкивается с определенными трудностями, связанными, помимо прочего, с явной неразработанностью понятийного аппарата. На данный факт обращали внимание (причем задолго до «украинской зимы») многие теоретики и историки государства и права: «В последнее время дилетанты, — жестко констатирует член-корреспондент АН Украины Н.Ф. Котляр, — особенно на Украине, часто высказывают сомнения по поводу правомерности термина “народность”, прежде всего в отношении древнерусской. Они предлагают заменить его словом “этнос”. Но ведь это вовсе не тождественные и не равноценные понятия. Этнос не обязательно связан с определенной территорией жизни и определенной социально-политической структурой (племенем, союзом племен, княжением, государством). К одному и тому же этносу могли принадлежать и считать себя принадлежащими к нему люди, связанные общностью языка и культуры, где бы они ни находились в мире. Например, славяне Балканского полуострова в X–XII вв. составляли единый этнос, но разные народности. Потому что, в отличие от этноса, народность есть территориально целостный этносоциальный организм...». — Подробнее см.: Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. — СПб.: Алетей, 1998. — С. 11–12.
- (10) Так, в Троицкой летописи призвание «варягов из-за моря» описывается следующим образом: «Въ лето 6370. Изгнаша Варяги за море и не даша имъ дани. Почаша сами себе владети и не бе в нихъ правды. И вьста родъ на родъ, и быша в нихъ оусобице, и воевати почаша сами на ся. Реша сами себе: поищемъ себе князя, иже бы владеть нами и соудить по праву. И идоша за море къ Варягомъ в Руси, иже сице бос я зваху ти Варязи Русью... Реша Русь, Чюдъ, Словене, Кривичи и вся: реша земля наша велика и обильна, а наряда в ней нетъ. Да поидете княжить и владеть нами...». — См.: Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. — СПб.: Наука, 2002. — С. 57–58.
- (11) Несколько в иной интерпретации этот же сюжет отражен на страницах Иоакимовской летописи (многими историографами до сих пор не воспринимаемой в качестве достоверного источника), фрагменты которой дошли до нас благодаря В.Н. Татищеву: «6369 (861)... Тогда умер славянский князь Гостомысл без наследия. И начали люди сами меж собою владеть, но не было в них справедливости; восстал род на род, были междоусобия, воевали друг на друга, сами себя более, нежели неприятели, разоряли. Сие видя, старейшины земли, собравшись от славян, руси, чуди, кривичей и прочих пределов, рассуждали, что земля Русская, хотя велика и обильна, но без князя распорядка и справедливости нет; сего ради нужно избрать князя, который бы всеми владел и управлял. И согласясь, по завещанию Гостомысла, избрали князя от варяг, называемых руссов... Лета 862... И сел старший из них Рюрик в Ладоге, другой Синеус сел у нас на Белоозере, а третий Трувор в Изборске. И от тех варяг прозвалась страна сия Русь, что потом Новгородская страна именовалась...». — Цит. по: Татищев В.Н. История Российская: В 3 т. Т. 2. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 12.
- (12) Напомним, что начавшееся со второй половины XVIII в. изучение древнеславянской и древнерусской истории в силу разных причин осуществлялось в основном представителями западноевропейских университетов (за исключением В.Н. Татищева, В.К. Тредьяковского и М.В. Ломоносова), прежде всего немецкими учеными, приглашенными специально до этого Российской академией наук. К данному факту в отечественной историографии относились и относятся по-разному, причем многие исследователи занимают в этом вопросе бескомпромиссную, жесткую позицию. Например, практически не упоминаемый в последние десятилетия Е.П. Савельев, резко критикуя представителей «германской исторической школы», писал ровно сто лет назад в

- «Древней истории казачества»: «За изучение и критический разбор древнерусских летописей, как это ни странно и не больно для самолюбия русских людей, взялись впервые иностранцы и особенно немцы. Все выдающееся в истории Руси ими нарочито или замалчивалось, или искажалось; все характеристическое русское они старались присвоить своей расе и даже нередко покушались отнять у нас не только славу, величие, могущество, богатство, промышленность, торговлю и все добрые качества сердца, но и племенное имя — имя руссов, известное истории, как славянское...». — Цит. по: Савельев Е.П. Древняя история казачества. — М.: Вече, 2002. — С. 50.
- (13) Критически характеризуя представителей западной историографии, нельзя не согласиться с российским дворянином, немцем по происхождению, констатирующим: «Не станем много говорить о тех, которые ставили себе в обязанность унижать все то, что относится до Славян, в особенности же до Руссов; к этим недобросовестным лицам принадлежат: Байер, Миллер, Шлецер, Гебгарди, Паррот, Георги и целая фаланга их последователей... Мы знаем, что история не должна быть панегириком, но не дозволим же и им обращать Русскую историю в сатиру...». — См.: Классен Е.И. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и Славянов-Руссов до рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова. Выпуски 1–3. 1854–1861. — М.: Белые альвы, 1999. — С. 8–9.
- (14) Чтобы не быть голословными, процитируем одного из крупнейших отечественных историков: «Культурные народы Древнего Востока, античного мира и римской Европы были поставлены Гегелем в известный порядок, — писал в “Полном курсе лекций по русской истории” С.Ф. Платонов, — представлявший собою лестницу, по которой восходил мировой дух. На верху этой лестницы стояли германцы, и им Гегель пророчил вечное мировое главенство. Славян же на этой лестнице не было совсем. Их он считал за неисторическую расу и тем осуждал на духовное рабство у германской цивилизации...». — Цит. по: Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. — СПб.: Кристалл, 2001. — С. 18–19.
- (15) Огромный вклад внесли и представители отечественной научной мысли, в частности один из основателей славяноведения Ю.И. Венелин и его последователи, в том числе М.О. Коялович. — См.: Венелин Ю.И. Истоки Руси и славянства / сост., предисл. и коммент. П.В. Тулаев / отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011; Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011.
- (16) Также, по мнению Мавро Орбини, имеющие древнеславянские корни.
- (17) См.: Мавро Орбини. Славянское царство. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. — С. 108–109. Как ни странно, в работе нет даже тени намека на пресловутых «великих укров», о которых можно найти информацию в обычном украинском школьном учебнике по истории. Видимо, это является государственной тайной, передававшейся из поколения в поколение, и известной исключительно ученым данной страны. Сказанное относится и к тому масштабному влиянию, которое они оказали на генезис мировой цивилизации, и к названию страны, о которой абсолютно ничего не знали ни крупнейший античный географ Страбон, ни Птолемей. Наивным и недальновидным инициаторам подобной псевдоисторической метаморфозы следовало бы поступить иначе: вместо выдуманного имени «великие укры» взять себе хорошо известный по письменным источникам этноним «русь», тем самым, лишив ненавистных москалей, «ватников» и «колорадов» даже призрачных намеков на историчность. — См., например: Ибн-Даста Абу-Али Ахмед Бен Омар. Известия о Хазарах, Бургасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах. Пер. с араб. Изд. 2-е. — М.: ЛЕНАНД, 2014; Погодин А.Л. Из истории славянских передвижений. Изд. 3-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2012. Однако что сделано, то сделано — и не важно, что над этим смеется весь научный

мир, так как у тех же представителей многочисленных «новых версий истории» время от времени все-таки встречаются вполне здравые мысли и предположения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история Украины. — М.: Сварог и К., 2001.
- [2] Повесть временных лет / отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014.
- [3] *Шафарик П.Й.* Славянские древности. От Геродота до падения Гуннской и Римской держав (456 до н.э. — 469–476 н.э.) / пер. с чеш. О.М. Бодянского. — М.: Академический проект; Альма Матер, 2015.

DOUBLE STANDARD AS THE METHOD OF INTELLECTUAL DISCOURSE (IS RUSSIA THE «OCCIDENTAL» CIVILIZATIONS ANTIPODE?) PART 1

V.V. Eremyan, A.A. Klishas

The Department of Constitutional Law and Constitutional Proceedings
Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The complex analysis of modern world political reality in the context of consideration of an actual condition of Russian Federation and the western powers relationship in the article is carried out.

Key words: Russian Federation, «occidental» civilization, double standard, civil society, Russian uniqueness, comparativistics.

REFERENCES

- [1] *Grushevskij M.S.* Illjustrirovannaja istorija Ukrainy [Illustrated history of Ukraine]. — М.: Svarog i K., 2001.
- [2] *Povest' vremennyh let* [The Tale of Bygone Years] / ed.by O.A. Platonov. — М.: Institut russkoj civilizacii, 2014.
- [3] *Shafarik P.J.* Slavjanskije drevnosti. Ot Gerodota do padenija Gunnskoj i Rimskoj derzhav (456 do n.je. — 469–476 n.je.) [Slavonian antiquities. From Gerodot to tha fall of Hun and Roman Empires (456 BCE — 469–476 CE)] / Translated by O.M. Bodjanskij. — М.: Akademicheskij proekt; Al'ma Mater, 2015.